

ПАЛАТА?» «Вишневый сад»? «Двое на качелях»?

Или, может быть, «Мадридская сталь»? «Игра без правил»?

Какому из спектаклей драматического театра имени Горького отдать предпочтение сегодня, за несколько дней до закрытия сезона?

Впрочем, стоит ли отдавать «предпочтение»? Почти о каждом из спектаклей в свое время писали в прессе, подробно анализируя работу постановщиков, актеров, художников.

И разложив перед собой вырезанные из газет рецензии, отклики, руководство театра и члены коллектива могут подвести черту творческому году: кажется, итог утешительный.

Подводит итоги театр, подводит их и зритель. Это от имени хотим мы сегодня вести разговор.

Он, этот зритель, не случайный посетитель театра. Он — завсегдатай. Он очень любит свой «горьковский» театр, у него есть любимые актеры. А успехи, и неудачи коллектива переживает он бурно, как личные.

Итак, «Палата», «Вишневый сад», «Двое на качелях»? Где же он, этот «гвоздь» программы, ожидая, который, «болеельщики» театра мчались на очередную премьеру?

В ОТ ОН, перечень 8—10 спектаклей сезона. Так называемый репертуар.

Между прочим, сейчас, когда все эти наименования стоят рядом и за каждым видится вполне конкретный спектакль, удивляет дотошный, прямо-таки скрупулезный подход театра к репертуарной тематике.

Ну, как тут можно возражать? Хотите русскую классику — пожалуйста — «Вишневый сад». Хотите классику зарубежную — «Мадридская сталь». Антирелигиозная тема — «Паутина», антибуржуазная — «Двое на качелях». Детектив — «Игра без правил». Пьеса местного автора — «Семья Плаховых».

Но, в конце концов, это дело театра — подобрать пьесу под каждую рубрику. Дело зрителя — понять, зачем театру это понадобилось. Понять без объяснений дирекции, по спектаклям.

Ну, вот к примеру, «Мадридская сталь» — одна из последних постановок.

Надо сказать, из всего не такого уж маленького репертуара театра, это почти единственный спектакль, который удовлетворяет главной заповеди драматического искусства: он **смотрится**.

И в самом деле, как-то отвык зритель от того, что театр — это зрелище (не между прочим, а прежде всего).

Так вот, если «Мадридскую сталь» слушать по радио, люди много потеряют. Не увидят интересного пространственного решения спектакля, ярких, сочных красок, со вкусом сделанных декораций, костюмов, выразительных мизансцен.

И актеры хорошо справляются со своими задачами. И очень радует неожиданная разносторонность наших актеров. Оказывается, они умеют и петь и танцевать.

Есть, конечно, в спектакле и недочеты (мы потому говорим о нем подробно, что еще не было на него рецензий).

Лестница, например, «обыгрывается» так усиленно, что надоедает бесконечная по ней беготня. Многие режиссерские «находки» «шиты», так сказать, «белыми нитками»: ведь зритель сразу понимает, что три бочонка в первом действии нужны только для того, чтобы актер, взбежав по ним, «подтянулся» на лестницу.

Многократно демонстрируется из печки «зад» Бельтрана (А. Присяжнюк). Зритель тоже понимает: постановщики хотят, чтобы он смеялся.

Но в целом спектакль оставляет после себя неплохое впечатление, запоминается.

Только вот зачем ставил его театр?

Чтобы публика посмеялась — это хорошо. Чтобы порадовалась богатству красок — радуется с удовольствием. Ну, а еще для чего? Ради мысли какой?

Любовь побеждает все препятствия?

Так ли оригинально, так ли «свежо» раскрыта эта весьма не новая тема у Лопе де Вега? Так ли современно звучит она? Чем переключается спектакль с нашими сегодняшними днями, как будоражит и мысли и чувства современных зрителей?

Нам, быть может, возразят: это ведь классика! Что ж, ответить на возражение можно: вероятно, не всякая классика имеет право на постановку. Тем более, если у коллектива нет четкой идейной позиции по отношению к ней, если он не пытается осмыслить ее по-новому, а создает лишь один из возможных сценических вариантов.

В ОТ ЭТО — отсутствие четкой идейно-художественной позиции в подборе репертуара и характеризует, к сожалению, нынешний творческий сезон театра.

Еще одна постановка из классики — «Вишневый сад».

Привычно («сквозь слезы») жалуется на судьбу Раневская, зовет Аня к светлому будущему, показывает фокусы Шарлотта.

Раневская (А. Окунева) по-своему обаятельна, и Шарлотта (засл. арт. Уз. ССР К. Ламочкина) трогает искренностью, даже трагизмом, и Фирс — удача народного артиста РСФСР Г. Антошенкова.

БЕЗ РУЛЯ И БЕЗ ВЕТРИЛ...

Но позвольте все-таки спросить: «Ну, и что?»

Монологи Ани большинство зрителей учило наизусть в школе, и монолог Гаева к шкафу тоже наизусть знают. Не для того ведь пришли зрители в театр, чтобы еще раз их вспомнить.

А как по-новому спектакль помогает осмыслить наш сегодняшний день? К чему зовет людей сегодня? Для зрителя это остается загадкой.

Это то, что касается классики. Может быть, более удачно подобран репертуар, когда театр пытается говорить на современные и актуальные темы?

«Паутина». Драматургическая поделка на антирелигиозную тему, воплощенная театром на сцене, сошла с нее очень быстро.

«Игра без правил». В репертуаре держится. Но, между прочим, со «скрипом». В общем-то испытываешь чувство стыда за актеров, которых неизвестно зачем заставили разыгрывать банальный детектив.

Со спектаклем «День рождения Терезы» сложнее. Прошел он по многим сценам нашей страны. Это неудивительно: драматург Мдивани попытался рассказать о героической Кубе. Понятно и желание нашего театра сказать о Кубе свое слово. И говорят его актеры увлеченно: удачно исполняют роли засл. арт. РСФСР Л. Долматова, В. Оттович, Е. Соловьева, А. Присяжнюк. И зрители аплодируют.

Только пусть не обманывается театр: аплодируют не спектаклю, аплодируют героической Кубе — ведь драматургический материал пьесы ниже всякой критики.

Повторяем, об этом спектакле можно было бы сейчас и не говорить: будь он единственным среди многих других, а не звеном одной цепочки.

А «цепь» можно продолжать еще и еще. И следующее ее звено — «Двое на качелях», постановка по пьесе У. Гибсона.

О произведении этом много спорили. Скорее из-за внешней его оригинальности, чем из-за внутренних достоинств.

И в самом деле — умело сделано: три часа на сцене двое — и только, и ни одной перемены декораций. А зал все время ждет: что же дальше? Потом уже, после окончания спектакля начинают рассуждать: а что, собственно, он дал? Довольно-таки банальная, стереотипная история о танцовщице и адвокате, потянувшихся в порыве тоскливого одиночества друг к другу...

Быть может, театр попытался «спасти» пьесу, прочитать ее по-своему?

Вот Гитель... Безрадостная судьба умной, душевной женщины, которая впервые вдруг прикоснулась к счастью, к любви, познала их, и так же быстро, как нашла, потеряла: здесь есть, пожалуй, психологическая зацепка, есть над чем поработать.

Да, вытянуть пьесу может отличное исполнение роли Гитель.

В крайдрамтеатре Гитель играет С. Зима. Играет однопланово: есть «уличная девка», нет большой души

человека — только чувствующего, думающего. Мешает воспринимать образ и постоянный наигрыш актрисы: придуманный голос, придуманная жестикация.

Не прозвучали в спектакле гневный протест, про-

клятье человека капиталистическому миру бизнеса и наживы, миру, который убивает в людях все живое, духовно уродует их. В общем, «спасти» пьесу не удалось. Но не в этом дело! Дело в том, что театр принял к постановке пустяк, драматургическую поделку.

Так нетребовательность коллектива к репертуару, случайный и непродуманный отбор его благополучно «помогли» театру прожить год в стороне от основных вопросов современности.

И ЛИ ТЕАТР просто не доверяет своему зрителю, нарочно заботясь больше о внешней занимательности постановок, чем о внутреннем их содержании?

Ведь даже в спектаклях по тем двум пьесам, которые имеют право быть в репертуаре, постановщики, словно не веря, что зритель заинтересуется конфликтом, мыслями, подчас оглуляют героев, прибегают к чисто развлекательным и даже низкопробным трюкам.

Вот, например, «Палата». Содержательная пьеса Алешина, теплая, человечная. И мысли в ней настоящие, интересные. Конфликт решен, правда, несколько узко, камерно. Но значит ли это, что до зрителей не дойдет взволнованность, утверждающий пафос пьесы?

Режиссеру кажется — не поймут. И появляются в начале спектакля заставка: романтическая фигура горьковского Данко.

Заставка, претендующая на то, чтобы «приподнять» пьесу до уровня героики, романтики, инородное тело в спектакле: она противоречит и авторскому стилю пьесы и авторским ритмам. Но что поделаешь — вдруг не поймут... лучше «углубим» Алешина Горьким...

Удивительно упрощенно решает театр образ Прозорова, одного из основных героев спектакля. Ага, если «пережиток» значит, сладостна: и Прозоров поглощает одну за другой шоколадные конфеты. И, конечно же, — «толстопузый». (Это, правда, есть в тексте пьесы, но зачем же подчеркивать недостатки драматургии? Не лучше ли смягчить их?).

Прозоров, конечно, и скопидом. Уходя из больницы, он заботливо собирает в авоськи бутылки из-под кефира, пустые конфетные коробки, другое барахло.

Режиссер достиг своей цели — зал смеется. И... не верит, что этот Прозоров действительно занимает высокий пост, руководит людьми, обладает определенным уровнем знаний.

А в «Семье Плаховых» режиссер вместо того, чтобы помочь автору избавиться в ряде случаев от пошлостей, наоборот, подчеркивает их акцентами, подбирает для них наиболее «выгодные» мизансцены.

Так общая нетребовательность театра к идейно-художественному содержанию своего творчества распространяется и на частности.

В «ВОЗДЯ» программы в театре нет. Нет спектакля, о котором можно было бы рассказать, как о попытке коллектива определить свое творческое лицо, ринуться в дерзкий поиск. Без руля и без ветрил, по течению плывет театр.

Это особенно заметно сейчас, когда идеологической работе, литературе и искусству был посвящен Пленум ЦК КПСС.

Нет в творчестве театра кренов «влево», не встречаются в его спектаклях формалистические трюки.

Но разве мелкотемье, спектакли по малохудожественным, слабым, порой халтурным произведениям не есть другая сторона одной и той же медали?

Наш приморский зритель требователен. Он идет в театр не только развлечься, но и прикоснуться к кладезю прекрасного, высокого. Он хочет, чтобы выйдя из театра, уже нельзя было болтать о пустяках и браниться с соседом в трамвае. Он хочет, чтобы на душе у него было взволнованно и светло.

Не случается этого — зритель отмечает: ему в театре в этом году было скучно. И начинает любить свой театр чуть-чуть меньше. И начинает ходить в него чуть-чуть реже.

И. ЧЕРЕМНЫХ

